

Глава 10. Властный князь и его прекрасный теневой страж

Двадцать четвёртый год эры Цзяньгуан. Император скончался, завещав трон князю Су. Девиз правления был изменён на Юнъань.

Покойный император за время своего правления прославился как мудрый и просвещённый правитель. Он усердно трудился на благо государства, умел распознавать таланты и назначать достойных людей на должности, был скромнен в быту и заботился о народе. Ему было всего тридцать лет, когда мятеж князя Синя прервал его жизнь. Государь получил тяжёлые ранения, и лучшие лекари оказались бессильны. У него остались сын и дочь, однако трон он завещал не им, а своему непутёвому младшему брату, князю Су, Юань Фэнъяню.

Прошёл год.

Сегодня Сяо Цуй должна была сопровождать свою госпожу в храм на горе.

Её госпожа славилась на всю округу как первая красавица. Сваты обивали порог их дома, но она всем отказывала.

Отец госпожи, господин Сяо Цуй, души не чаял в своей дочери.

— Доченька, — говорил он, — если тебе кто-нибудь приглянется, непременно скажи отцу.

Но госпожа, слыша эти слова, лишь молчала.

Господин решил, что его дочь просто слишком застенчива и ещё не встретила своего суженого. И только Сяо Цуй, её верная служанка, знала, что сердце госпожи давно занято.

Храм Праджни, расположенный за городом, считался чудотворным. Поток паломников к нему не иссякал, а особенно он славился тем, что помогал в делах сердечных. Поэтому, когда госпожа стала каждый день бывать в храме, её отец не придавал этому значения, полагая, что дочь просто молится о счастливом замужестве.

И вот сегодня госпожа снова собралась в храм.

Она долго сидела перед зеркалом, подводила брови, укладывала волосы, надевала свои лучшие украшения и лишь потом тихим голосом спросила:

— Сяо Цуй, я красива?

— Госпожа, — улыбнулась Сяо Цуй, — кто осмелится сказать, что вы некрасивы?

Госпожа надула губки.

— Если я красива, почему же он на меня не смотрит?

Сяо Цуй в душе вздохнула, но вслух сказала:

— Этот монах просто не искушён в мирских делах. Не стоит из-за него расстраиваться, госпожа.

Улыбка на лице госпожи померкла.

— Подавать паланкин, — только и сказала она.

Сяо Цуй позвала носильщиков, и они неторопливо отправились в храм Праджни.

День выдался погожий, и в храме было шумно илюдно. Верующие возжигали благовония, молились Будде, тянули жребий. Госпожа сделала щедрое пожертвование и под предлогом гадания о судьбе была приглашена в покои на заднем дворе.

В эти комнаты пускали не каждого, а лишь самых почётных гостей, оставивших в храме немало денег. Госпожа и Сяо Цуй прождали недолго, когда в дверь постучал монах в сером одеянии.

— Войдите, — нежно пропела госпожа.

Монах вошёл, и щёки госпожи тут же залились румянцем.

— Учитель, — тихо произнесла она, — прошу, присаживайтесь.

Монах смерил её холодным взглядом и остался стоять.

— Госпожа, зачем вы снова просили меня прийти?

— Я лишь хотела попросить учителя погадать мне на любовь, — покраснев, прошептала она.

Услышав это, монах слегка нахмурился.

Даже этот жест нетерпения в его исполнении выглядел на удивление изящно.

— Госпожа, разве вы не обращались ко мне с этой просьбой уже несколько раз?

Она опустила глаза.

— Но... гадание не сбывается.

Монах, глядя на её смущённый вид, вздохнул:

— Госпожа, я принял постриг и отрёкся от мирской суеты.

Она улыбнулась и дерзко ответила:

— Приняли постриг — можете и вернуться в мир.

Монах некоторое время молча смотрел на неё, понимая, что уйти от разговора не удастся.

— Госпожа, у меня нет мыслей о возвращении в мир. Прошу вас... забудьте обо мне.

— Не забуду! — воскликнула она. — Вы мне нравитесь! Если... если вы не будете со мной, я попрошу отца снести этот храм!

Услышав её слова, монах помолчал, а потом тихо спросил:

— Госпожа, не угодно ли вам выслушать одну историю?

Госпожа подумала, что он собирается читать ей нотации, но решила, что послушать его голос — уже хорошо, и кивнула.

Монах с сочувствием посмотрел на неё и начал:

— Крестьянин спустился с горы, чтобы купить удобрения в даосском монастыре и буддийском храме. Даосы просили за ведро одну монету, а монахи — две.

Госпожа с недоумением посмотрела на него, не понимая, к чему он клонит.

— Крестьянин возмутился, — продолжал монах, — но монах гордо ответил: «Наши удобрения спрессованы. Одно ведро заменяет два».

Закончив, монах замолчал.

Госпожа и Сяо Цуй сидели в полном недоумении, не понимая смысла истории, пока до Сяо Цуй внезапно не дошло.

— Госпожа! — вскрикнула она. — Да он же рассказал вам пошлый анекдот!

— Что?

Сяо Цуй бросила на монаха испепеляющий взгляд и что-то зашептала госпоже на ухо. Выслушав объяснения, госпожа покраснела до корней волос и закричала:

— Развратник! Пошляк! Бесстыдник!

После чего они с Сяо Цуй в гневе удалились.

Монах, глядя им вслед, обратился к Системе в своей голове:

— Я побрился налысо и стал сильнее.

«...»

Да, этим монахом, которого домогалась благовоспитанная девица, был не кто иной, как Бай Лоло, сосланный князем Синем в храм Праджни.

Глядя на удаляющиеся спины госпожи и её служанки, Бай Лоло подумал, что ему снова достанется от настоятеля. Он с сокрушённым видом побрёл из комнаты.

Он, конечно, знал, что нравится этой девушке, но прекрасно понимал, в каком положении находится. Если бы она впуталась в его дела, то могла бы лишиться жизни. Лучше уж было отпугнуть её раз и навсегда.

«А ты делаешь успехи», — заметила Система.

«Когда долго смотришь на монахов, начинаешь думать, что и мужчины — неплохой вариант», — с вселенской усталостью в голосе ответил Бай Лоло.

«Что-о-о?!»

Увидев, что он так быстро вышел из комнаты, другие монахи удивились.

— Ты так быстро от неё отделался?

Бай Лоло подумал: «Только и знаете, что злорадствовать».

— Я всё объяснил госпоже. Думаю, она больше не придёт.

На лицах монахов отразилось недоверие: «Ты и в прошлый раз так говорил».

В этот момент снаружи появился разгневанный настоятель.

— Что ты ей сказал?!

— Я лишь поведал ей историю о том, что форма есть пустота, а пустота есть форма... — смиренно ответил Бай Лоло.

— Правда?

— Монахи не лгут...

Настоятель с сомнением посмотрел на него, но, не зная, что возразить, лишь нахмурился.

— Смотри, не будь с ней слишком груб. Её отец — городской префект.

«А я, между прочим, правящий император», — подумал Бай Лоло, но вслух, с видом человека, познавшего бренность бытия, произнёс:

— И красота, и власть — всё это лишь прах земной, дым, что развеется по ветру.

Настоятель смерил его взглядом, ничего не сказал и ушёл.

Бай Лоло вернулся в свою келью ждать вызова от следующей паломницы. С тех пор как его увидели в храме, женщины перестали обращаться за гаданиями к настоятелю и шли напрямиком к нему. Бай Лоло думал, что если так пойдёт и дальше, ему придётся требовать у настоятеля прибавки к яичному пайку.

Прошёл уже год с тех пор, как князь Синь бросил его в храме Праджни, но пламя социализма в его сердце не угасло.

«Истинный преемник дела социализма не сдастся из-за таких мелких неудач», — заявил он Системе.

«Не сдастся в борьбе за здравомыслие?»

«Можешь просто помолчать?»

«Нет».

За этот год, проведённый в постах и молитвах, Бай Лоло не научился ничему новому, кроме как препираться с Системой.

Князь Синь больше не появлялся, но оставил множество людей следить за Бай Лоло, чтобы тот не сбежал. Ему даже давали какое-то снадобье, которое блокировало его внутреннюю силу, превратив в обычного человека.

Больше всего Бай Лоло удручало то, что Мао Цзю уже год правил страной, и никто не заметил подмены. Наоборот, многие считали покойного императора гением, ведь он выбрал такого мудрого и деятельного преемника.

Бай Лоло почитал сутры, и вот настало время ужина.

Хоть князь Синь и заставил его стать монахом, но в еде и бытовых нуждах не ограничивал. Ел и пил он вдоволь, и даже получал два яйца в день для восполнения белка.

Глядя на голое варёное яйцо, Бай Лоло прослезился.

— Гляжу на него и вижу себя.

«Не переживай, — сказала Система, — когда перестанешь быть монахом, волосы быстро отрастут».

«А как ты думаешь, когда я перестану быть монахом?»

Система задумалась.

— Когда вернёшься в свой мир?

«...»

Но Бай Лоло не терял надежды. Он верил, что Мао Цзю продолжает его искать. Он верил в своего любимого Цзю-эра.

Эта вера жила в нём до тех пор, пока снова не появился князь Синь.

Это случилось тёмной, безлунной ночью. Бай Лоло проснулся от голоса Системы и увидел у своей кровати тёмную фигуру, что молча смотрела на него сверху вниз.

Бай Лоло чуть не подпрыгнул от страха.

— Что вам нужно?

— Ты стал на него не похож, — сказал князь Синь.

«...» — «Да на твою бабушку я похож».

Князь выглядел неважно, он сильно похудел.

— Он тебя больше не ищет, — сказал он.

Оба понимали, что «он» — это Мао Цзю.

Бай Лоло решил сыграть роль несчастного влюблённого.

— Я лишь молюсь, чтобы он забыл меня.

Князь Синь впился в него взглядом, пытаясь найти в его лице хоть тень притворства.

— Он скоро женится.

«...» — «Мао Цзю, папочка в тебе ошибся».

— Ну и как тебе это? — спросил князь.

Бай Лоло решил, что не должен ударить в грязь лицом. С улыбкой святого мученика он

произнёс:

— Я лишь хочу дожить до того дня, когда увижу его на вершине мира.

— ...Ты больной?

Бай Лоло продолжил выводить князя из себя.

— Он — моё единственное лекарство.

«...»

<http://bllate.org/book/13440/1196703>